

УДК 902(51)

А.А. Тишкин, Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КИТАЙСКИЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

При исследовании погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии обнаружены металлические зеркала, монеты, шелковые изделия и предметы с лаковым покрытием, которые были изготовлены в ремесленных мастерских Китая. Эти находки являются важными элементами материальной культуры кочевников. Они демонстрируют результаты военно-политических, торговых и других контактов номадов с населением южных оседло-земледельческих центров. Имеющиеся письменные свидетельства не позволяют решать весь комплекс проблем, связанный с интерпретацией импортных изделий, которые найдены в рассматриваемых археологических объектах. Зафиксированные при раскопках материалы существенно расширяют возможности реконструкции многих сторон жизнедеятельности кочевых объединений, а также позволяют отразить мировоззренческие представления отдельных групп скотоводов. Китайские изделия фиксируются в памятниках тюрок со 2-й половины VI в. н.э., когда была создана одна из крупнейших кочевых империй – Первый (Великий) Тюркский каганат. В статье отражена выявленная авторами источниковая база средневекового китайского импорта, сформированная в таблицы по каждой обозначенной категории находок. Два металлических зеркала изучались с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра. Часть предметов демонстрируется на иллюстрациях. Рассмотрены особенности использования китайских изделий в обрядовой практике раннесредневековых номадов. Имеются перспективы дальнейших исследований по обозначенным направлениям с привлечением большего количества материалов.

Ключевые слова: Центральная Азия, раннее средневековье, тюркская культура, Китай, археологические памятники, импорт, ремесленные изделия, монеты, металлические зеркала, шелк, китайский лак, мировоззрение, рентгенофлуоресцентный анализ.

DOI: 10.14258/tpai(2013)1(7).-03

Введение

Контакты кочевников Центральной Азии с Китаем фиксируются с древности. Они не прекращались и в эпоху средневековья. Одним из показателей различного рода отношений стало появление в предметном комплексе номадов рассматриваемого региона предметов, произведенных в ремесленных центрах Поднебесной империи. Наибольшее распространение в памятниках кочевников получили металлические зеркала и монеты, а также шелковые вещи и изделия, покрытые лаком. Такие находки представляют значительный интерес для исследователей по нескольким причинам. Специфика распространения данных предметов отражает направления, характер и степень интенсивности контактов номадов с оседлым населением средневекового Китая, а также является показателем существования торговых путей в различные исторические периоды. Обнаруженные в археологических памятниках изделия из Поднебесной империи нередко становятся важными маркерами для уточнения датировки исследованных комплексов Центральной Азии. Фиксируемые особенности использования китайских вещей кочевниками демонстрируют место этих предметов в быту и в ритуальной практике, отражая социальную дифференциацию и некоторые стороны мировоззрения скотоводов обширной территории. Эти важные факторы определяют необходимость специального изучения китайских изделий из археологических памятников Централь-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ–МинОКН Монголии (проект №13-21-03003 «Систематизация, анализ и комплексное изучение археологических памятников Монгольского Алтая»).

ной Азии. Однако в ходе такой работы возникает целый ряд затруднений различного характера. Одним из существенных обстоятельств является качество издания результатов раскопок прошлых лет. Полноценное исследование китайских вещей требует непосредственного их рассмотрения «вживую», что не всегда возможно. Поэтому в большинстве случаев археологи вынуждены работать с публикациями материалов, которые далеко не всегда представляют важные находки в полной мере. Другая проблема – недостаток специальной литературы и ограниченный круг работ, посвященных целенаправленному изучению древних и средневековых предметов китайского импорта. Это серьезным образом усложняет атрибуцию находок и возможность их использования для реконструкции различных сторон истории кочевников Центральной Азии.

Безусловно, что часть затруднений, в том числе обозначенного плана, могла быть устранена при условии доступа отечественных археологов к китайской научной литературе и источникам. На это указывает даже поверхностное знакомство с многочисленными трудами. Вместе с тем имеются основания для утверждения того, что и китайскими коллегами решены далеко не все вопросы. В частности, в их исследованиях практически не рассмотрены особенности распространения китайских изделий за пределами Поднебесной империи, в среде кочевников Центральной и Северной Азии. Одним из наиболее показательных периодов в этом плане является раннее средневековье, когда культурные, торговые и политические контакты кочевников и оседло-земледельческих центров были весьма разноплановыми и интенсивными. В настоящей статье представлена общая характеристика распространения предметов китайского импорта в погребальных комплексах раннесредневековых тюрок Центральной Азии, определена значимость этих находок в качестве хронологических маркеров, а также сделаны наблюдения по поводу места привозных вещей в обрядовой практике кочевников.

Источниковой базой исследования стали материалы раскопок более 350 погребальных памятников тюркской археологической культуры на территории Алтая, Тувы, Минусинской котловины, Монголии, Казахстана и Кыргызстана. Случайные находки из музейных коллекций в данной работе привлекались только в качестве аналогий, так как для решения многих поставленных вопросов был важен контекст обнаружения изделий в конкретном захоронении. Общая датировка рассматриваемых памятников определяется в рамках 2-й половины V – XI в. н.э.

В ходе исследования использовались результаты, полученные отечественными археологами при рассмотрении как общих, так и частных аспектов распространения китайских изделий в памятниках кочевников Центральной Азии [Богданова-Березовская, 1975; Лубо-Лесниченко, 1975, 1994; Хаславская, 2000; Кубарев, 2005, с. 30–31; и др.]. Некоторые вопросы в рамках этой тематики представлялись ранее в публикациях авторов настоящей статьи [Тишкин, 2007, 2008; Серегин, 2007, 2008а–б, 2012; Тишкин, Серегин, 2011а–б; и др.]. Далее они представлены в значительно дополненном и переработанном виде. Надеемся, что изложенные результаты исследования будут интересны китайским, монгольским и другим зарубежным коллегам.

Монеты

Монеты традиционно рассматриваются как достаточно показательные хронологические маркеры. В случае их обнаружения у исследователя при наличии нумизматического определения появляется возможность относительного уточнения времени создания раскопанного комплекса. Существенными датирующими характеристиками

обладают китайские монеты, для которых в большинстве случаев установлены дата выпуска и хронологический период, на протяжении которого производилась отливка. Поэтому вполне закономерно, что их обнаружение привлекает повышенное внимание археологов.

В погребальных комплексах тюркской культуры Алтае-Саянской горной страны и Монголии китайские монеты являются редкой находкой (рис. 1; табл. 1). По нашим данным, такие изделия обнаружены в четырех захоронениях раннесредневековых кочевников Тувы, в двух памятниках Алтая, в двух погребениях Минусинской котловины и в одном объекте, исследованном на территории Монголии. Чаще всего в могиле находилась одна монета. Наибольшее количество указанных изделий зафиксировано в захоронении знатной тюркской женщины в Монголии – 7 экз. [Евтюхова, 1957, рис. 8].

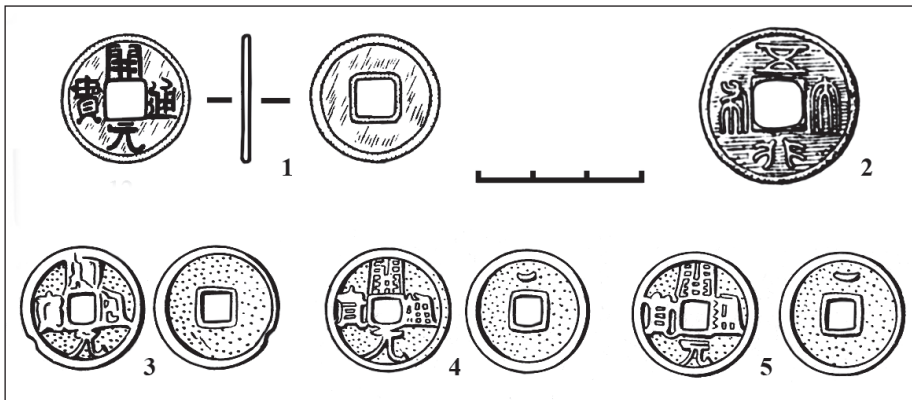

Рис. 1. Монеты из погребений раннесредневековых тюрков Центральной Азии: 1 – Юстыд-I, курган №8 (по: [Кубарев, 2005, табл. 18.-12]); 2 – Кудыргэ, мог. 15 (по: [Гаврилова, 1965, табл. XXI.-2]); 3–5 – Сабинка-I, курган №2, мог. 3 (по: [Савинов, Павлов, Паульс, 1988, рис. 9.-1])

Таблица 1

Китайские монеты из погребений тюркской культуры на территории Алтае-Саянской горной страны и Монголии

№	Название памятника	Количество монет	Датировка автора публикации	Публикация
1	Аймырлыг-V-1	1	–	Овчинникова, 1982, рис. 3.-1
2	Аймырлыг-V-5	1	–	Овчинникова, 2004, рис. 8.-11
3	Бай-Тайга-59-1	1	713–741	Грач, 1966, рис. 22
4	Джаргаланты, к. 2	7	IX в.	Евтюхова, 1957, рис. 8
5	Капчалы-II, к. 19	1	середина IX в.	Евтюхова, 1948, рис. 116
6	Кудыргэ, к. 15	1	575–577	Гаврилова, 1965, табл. XXI.-2
7	Монгун-Тайга-58-IV	1	713–741	Грач, 1960, рис. 78
8	Сабинка-I, к. 2, м. 3	3	621–659	Савинов и др., 1988, рис. 9.-1
9	Юстыд-I, к. 8	1	621–760	Кубарев, 2005, рис. 16.-8

В погребениях раннесредневековых тюрок Центральной Азии практически не найдено монет, относящихся к дотанскому времени. Известно, что в конце I тыс. до н.э. – 1-й половине I тыс. н.э. за пределами Поднебесной империи наибольшее распространение получили монеты «у-шу» («у-чжу»), выпуск которых осуществлялся с 118 г. до н.э. вплоть до 581 г. н.э., а обращение на территории Китая длилось до 621 г. [Кляшторный, 2006, с. 115]. Такие изделия достаточно часто встречаются в памятниках Забайкалья и Монголии [Миняев, 2001; Ковалев и др., 2011], где известны также в качестве случайных находок [Тишкин, Мунхбаяр, Серегин, 2009, с. 336]. Значительно реже они обнаруживаются на территории Южной Сибири [Длужневская, Савинов, 2007, с. 64] и получили определенное распространение в среде раннесредневековых кочевников. Находки монет «у-шу» зафиксированы в археологических объектах середины – 2-й половины I тыс. н.э. Лесостепного Алтая, Новосибирского Приобья, Кузнецкой котловины, Монголии [Троицкая, Новиков, 1998, с. 30; Масумото, 2001; Илюшин, 2005, с. 171; Кляшторный, 2006; Кузнецов, 2007; и др.]. Кроме того, монеты такого типа известны в коллекциях Минусинского музея [Лубо-Лесниченко, 1975]. В памятниках же раннесредневековых тюрок Центральной Азии экземпляры «у-шу» пока не обнаружены.

Монеты, относящиеся к периоду существования на территории Китая Южных и Северных династий (IV–VI вв.), являются наименее изученными в русскоязычной нумизматической литературе [Быков, 1969, с. 15–16]. По всей видимости, именно к подобным экземплярам относится находка из могильника Кудыргэ [Гаврилова, 1965, табл. XXI.-2] (рис. 1.-2; 2.-6). Первоначально монета была датирована 26 г. до н.э. – 220 г. н.э. [Киселев, 1951, с. 467; Гаврилова, 1965, с. 43], но впоследствии ее хронология была уточнена. При публикации материалов некрополя рассматриваемая находка отнесена, со ссылкой на определение известного специалиста А.А. Быкова (однако без представления оснований для такой атрибуции), к 575–577 гг. [Гаврилова, 1965, с. 43]. Экземпляр из Кудыргэ не относится к «у-шу». Монеты указанного типа в целом достаточно единообразны [Камышев, 1999, с. 59], хотя китайские специалисты выделяют значительное количество их вариантов [Чжунго гу цянъши, 2001; Кляшторный, 2006, с. 115]. Судя по всему, рассматриваемая находка из Кудэргэ представляет собой один из экземпляров, отлитых в последние годы существования Северной Ци (550–577). Безусловно, что в данном случае все вопросы будут сняты при получении четкого и подробного определения специалиста-нумизмата. Особенно это важно в связи с тем, что монета из могильника Кудыргэ рассматривается многими археологами как важный показатель не только для уточнения датировки памятника, но и для определения хронологических рамок кудыргинского этапа тюркской культуры [Азбелев, 2000, с. 5; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 206; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 10; и др.].

Все остальные китайские монеты из погребений тюркской культуры Центральной Азии относятся к танскому времени. В 621 г. был осуществлен первый выпуск монет «кайюань тунбао», ставших самыми долговечными в истории Поднебесной империи и получивших наибольшее распространение за ее пределами. При этом, помимо находок оригинальных изделий, фиксируются многочисленные подделки и подражания, что также является показателем их «популярности» [Воробьев, 1963, с. 63; Зеймаль, 1999, с. 192–206].

Рис. 2. Импортные изделия из погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии:
1 – Джаргаланты, курган №2 (по: [Евтюхова, 1957, рис. 4.-1]); 2 – Юстыд-ХIV, курган №2 (по: [Кубарев, 2005, рис. 16, цв. вклейка]); 3 – Шибе-II, курган №18 (по: [Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIV.-2]); 4 – Шибе-II, курган №3 (по: [Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIII.-1]); 5, 8 – Юстыд-XXIV, курган №13 (по: [Кубарев, 2005, рис. 34, цв. вклейка]); 6 – Кудыргэ, мог. 15 (по: [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 11]); 7 – Юстыд-I, курган №8 (по: [Кубарев, 2005, рис. 28, цв. вклейка]); 9 – Туэкта, курган №3 (по: [Киселев, 1949, табл. LI]). Без масштаба

Монеты «кайюань тунбао», обнаруженные в ходе исследования погребальных комплексов раннесредневековых тюрок, судя по имеющимся определениям, относятся к различным выпускам. Наиболее ранние экземпляры, встреченные при раскопках могильника Сабинка-I в Минусинской котловине, датированы 621–659 гг. [Савинов, Павлов, Паульс, 1988, с. 100] (рис. 1.-3–5). Достаточно точно определен период выпуска монет «кайюань тунбао» из памятников тюркской культуры Тувы. В погребениях могильников Мойгун-Тайга и Бай-Тайга, судя по описаниям автора раскопок, были обнаружены совершенно одинаковые экземпляры. А.Д. Грач [1960, с. 62; 1966, с. 107], сославшись на определение А.И. Мухлинова, отнес находки к 713–741 гг. (время одного из девизов правления императора Танской династии Сюань-цзуна). Опираясь на схему определения выпуска китайских монет, представленную в работах М.В. Воробьева [1963], Г.В. Кубарев [2005, с. 138] определил отливку экземпляра «кайюань тунбао» из могильника Юстыд-I (рис. 1.-1; 2.-7) 621–760 гг. Отметим, что данная датировка получила подтверждение и в других материалах этого раннесредневекового некрополя.

В остальных случаях время выпуска китайских монет из погребальных комплексов тюркской культуры не определялось либо обозначалось в широких рамках, не позволяющих уточнить хронологию памятника.

Длительный период бытования и многочисленные выпуски китайских монет ограничивают возможности их использования для уточнения датировки археологического комплекса. Ярким примером такой ситуации является сосуществование в кладках монет «у-шу», «кайюань тунбао» и экземпляров, выпущенных в начале II тыс. [Камышев, 1999]. С другой стороны, определение даже общей хронологии находки может иметь большое значение при отсутствии других датирующих материалов, а также в случае длительного времени существования предметов, обнаруженных в археологическом комплексе.

Обратим внимание на то, что возможность установления точной даты или периода выпуска китайских монет напрямую зависит от ряда условий. Определение хронологии рассматриваемых изделий основывается, в первую очередь, на анализе их внешних признаков, поэтому большое значение имеет качество публикации. К примеру, рисунки находок из памятников тюркской культуры, за редким исключением, включают только изображение аверса монеты, тогда как порой датирующими являются знаки на обратной стороне. Не менее важно подробное описание, в том числе приведение метрических показателей, которые также отражают принадлежность экземпляра к определенному типу монет. Кроме того, на сегодняшний день актуальным остается изучение результатов работ китайских специалистов, которые, если и известны отечественным нумизматам, то археологами пока не привлекаются. В целом можно утверждать, что в настоящее время датирующие возможности китайских монет реализуются далеко не в полной мере. Продолжение специального изучения подобных изделий, зафиксированных при изучении памятников кочевников, представляется весьма перспективным. При этом важными могут стать и данные поэлементного состава сплава, из которого сделана каждая монета.

Итак, китайские монеты достаточно редко встречаются в памятниках тюркской культуры Южной Сибири и Монголии. Бытование таких предметов в среде кочевников если и было связано с использованием их как эквивалента стоимости [Щербак, 1960],

то, безусловно, только этим не ограничивалось. Не лишенным оснований представляется утверждение о том, что китайские монеты могли носиться как амулеты [Басова, Кузнецов, 2005, с. 135]. Свидетельством изменения первоначальных функций изделий можно считать благожелательные надписи, нанесенные на отдельных экземплярах [Добродомов, 1980; Кляшторный, 2006, с. 117; и др.]. Кроме того, существует предположение, что китайские монеты использовались для украшения одежды в качестве нашивных блях, являлись частью ожерелий, подвесок, входили в состав наборного пояса и т.д. [Троицкая, Новиков, 1998, с. 30; Камышев, 1999, с. 59; Масумото, 2001, с. 52; Филиппова, 2005, с. 15; и др.]. С другой стороны, во всех случаях, когда определено расположение рассматриваемых изделий в могилах раннесредневековых тюрок Алтае-Саянской горной страны и Монголии, они находились в районе пояса умершего человека. Вероятно, данная ситуация отражает ношение монет в поясной сумочке, остатки которой сохранились в некоторых погребениях [Овчинникова, 1982, с. 213; Савинов, Павлов, Паульс, 1988, с. 96]. Только в одном захоронении такая находка была помещена в районе головы погребенного [Евтюхова, 1957, с. 212]. Отметим, что основной характеристикой распространения рассматриваемых изделий, помимо их редкости, является то, что они зафиксированы почти всегда, за единственным исключением, в погребениях мужчин.

Зеркала

Металлические зеркала также являются достаточно редкими находками в памятниках тюркской культуры (рис. 3). Проведенный анализ доступных материалов раскопок позволил выявить всего 19 экз., обнаруженных в захоронениях раннесредневековых кочевников Алтая (11), Тувы (6) и Монголии (2) (табл. 2). Большая их часть (12 предметов) представлена целыми зеркалами, остальные изделия найдены в виде фрагментов.

В погребальных комплексах раннесредневековых тюрок обнаружены металлические зеркала нескольких типов. Особенности их оформления указывают на китайское происхождение большинства изделий либо на случаи копирования таких образцов*. Хронология зеркал различна, но все они обнаружены в памятниках, относящихся ко 2-й половине VII – XI в. н.э.

К одному из наиболее распространенных типов изделий из Поднебесной империи относятся экземпляры из памятников Юстыд-XIV [Кубарев, 2005, табл. 46.-4] (рис. 2.-2; 3.-1), Мойгун-Тайга [Грач, 1958, рис. 8, 9] (рис. 3.-5), Джаргалынты [Евтюхова, 1957, рис. 3] и, вероятно, Даг-Аразы-II [Овчинникова, 1990, рис. 33.-17] (рис. 3.-8). Это зеркала округлой формы с центральной шишкой-петлей, вокруг которой помещены загадочные животные в зарослях винограда. По поводу этих изображений «диковинных зверей» на указанных и подобных экземплярах имеется несколько интерпретаций [Стратанович, 1961, с. 62; Лубо-Лесниченко, 1975, с. 18, 44–45; Масумото, 2005, с. 296; и др.]. Важными являются заключения Г.Г. Стратановича [1961, с. 62], который специально исследовал эту проблему. В результате оказалось, что такой сюжет был широко распространен от Средней Азии до Вьетнама, а его истоки «... лежат в южно-китайском и вьетнамском вполне реалистичном образе: «ихневмоны на лозах винограда» [Тишкин, Серегин, 2011, с. 20].

* Редкое исключение, судя по всему, представляют находки из памятников Ак-Кобы-III [Кубарев, 2005, табл. 95.-3] и Катанда-II [Гаврилова, 1965, рис. 7.-6]. Этим зеркалам не найдено аналогий в пределах китайского импорта. Не исключено, что изделия происходили с территории Средней Азии.

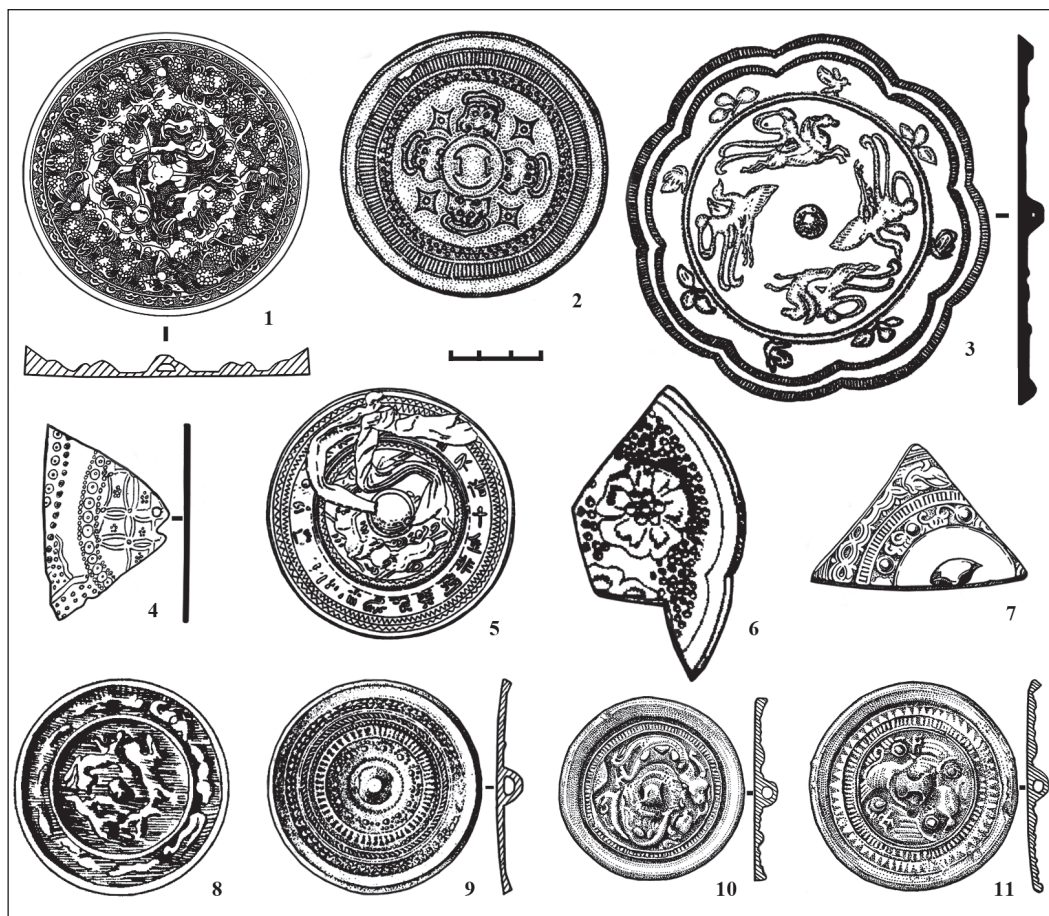

Рис. 3. Металлические зеркала из погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии: 1 – Юстыд-ХIV, курган №2 (по: [Кубарев, 2005, табл. 46.-4]); 2 – Улуг-Бюк, курган №1 (по: [Длужневская, 2000, рис. IV.-7]); 3 – Курота-II, курган №46 (по: [Суразаков, 1990, рис. 22.-1]); 4 – Каменный Лог (по: [Соенов и др., 2002, рис. 1.-13]); 5 – Монгун-Тайга-57-XXVI (по: [Kenk, 1982, abb. 9.-2]); 6 – Саглы-Бажи, курган №19 (по: [Грач, 1968, рис. 50.-5]); 7 – Курай-III, курган №2 (по: [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 34]); 8 – Даг-Аразы-II-6 (по: [Овчинникова, 1990, рис. 33.-17]); 9 – Бертек-34 (по: [Савинов, 1994, рис. 107.-3]); 10 – Шибе-II, курган №3 (по: [Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIII.-3]); 11 – Шибе-II, курган №18 (по: [Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIV.-4])

Имеются некоторые нюансы в оформлении рассматриваемых зеркал. Внутреннее орнаментальное поле у двух экземпляров (см., например, рис. 2.-1; 3.-1) отделено валиком в виде виноградной лозы, а во внешнем – изображены иволги среди виноградных побегов. Внешнее поле другого изделия, отделенное ободком, заполнено китайской надписью, перевод которой стал предметом внимания ряда исследователей [Итс, 1958; Лубо-Лесниченко, 1975; и др.] (рис. 3.-5). Для всех обозначенных зеркал характерен высокий бортик, обрамленный лентой из стилизованных пальметок или поясом

из треугольников и горизонтальных линий. Изделия такого типа имеют многочисленные аналогии на обширных территориях [Распопова, 1972, рис. 2; Лубо-Лесниченко, 1975, рис. 15–20; Грушин, Тишкин, 2004, рис. 1.-1; Молодин, Соловьев, 2004, рис. XIV, табл. XVIII.-43; и др.] и датируются VII–IX вв. [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 18].

Таблица 2

Металлические зеркала из памятников тюркской культуры
Алтае-Саянской горной страны и Монголии

№	Памятник	Вид зеркала	Публикация
1	Ак-Кобы-III, к. 2	Целое	Кубарев, 2005, табл. 95.-3
2	Аймырлыг-ХIII-1	Целое	Овчинникова, 2004, рис. 11-3
3	Бертек-34	Целое	Савинов, 1994, рис. 107.-3
4	Даг-Аразы-II-6	Целое	Овчинникова, 1990, рис 33.-17
5	Джаргалынты, к. 2	Целое	Евтюхова, 1957, рис. 3
6	Каменный Лог	Фрагмент	Соенов и др., 2002, рис. 1.-13
7	Катанда-II, к. 5	Фрагмент	Гаврилова, 1965, рис. 7.-6
8	Курай-III, к. 2	Фрагмент	Евтюхова, Киселев, 1941, рис 29.-34
9	Курота-II, к. 46	Целое	Суразаков, 1990, рис 22.-1
10	Монгун-Тайга-57-XXVI	Целое	Грач, 1958, рис. 8, 9
11	Наинтэ-Сумэ	Фрагмент	Боровка, 1927, табл. IV.-1
12	Саглы-Бажи-I, к. 19	Фрагмент	Грач, 1968, рис. 50.-5
13	Узунтал-VI, к. 1	Целое	Савинов, 1982, рис. 11
14	Узунтал-VIII, к. 1	Фрагмент	Савинов, 1982, рис. 5.-9
15	Улуг-Бюк-II, к. 1	Целое	Длужневская, 2000, рис. IV.-7
16	Черби, к. Б-18	Фрагмент	Вайнштейн, 1958, с. 218
17	Шибе-I, к. 3	Целое	Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIII
18	Шибе-I, к. 18	Целое	Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIV
19	Юстыд-XIV, к. 2	Целое	Кубарев, 2005, табл. 46.-4

По заключению Е.И. Лубо-Лесниченко, к танскому времени относится находка из могильника Улуг-Бюк в Туве [Длужневская, 2000, с. 182, рис. IV.-7] (рис. 3.-2). Орнамент круглого зеркала представлен симметрично расположенными изображениями четырех голов животных и ромбов между ними. Е.И. Лубо-Лесниченко отметил, что находка не имеет аналогий, но может быть датирована концом VII – 1-й половиной VIII в.

Более очевидным является определение восьмилопастных зеркал, получивших широкое распространение за пределами Поднебесной империи. Среди находок из памятников тюркской культуры известно два таких экземпляра [Грач, 1968, рис. 50.-5; Суразаков, 1990, рис. 22.-1] (рис. 3.-3, 6). Важным показателем зеркал этого типа, помимо характерной формы, является система орнаментации. На оборотной стороне одного из рассматриваемых изделий изображены феникс и цилинь; во внешнем орнаментальном поле помещены летящие иволги, чередующиеся со стилизованными цветками (рис. 3.-3). Второе зеркало сохранилось в виде небольшого фрагмента, однако понятно, что оно относится к группе лопастных зеркал с орнаментом из шести чередующихся розеток в виде стилизованных цветков водяного каштана и мальвы на точечном фоне (рис. 3.-6). Хронология восьмилопастных зеркал с обозначенным орнаментом определяется в рамках VII–IX вв. [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 54–55, 58, 60 и др.]. Отметим широ-

кий круг аналогий таких изделий в памятниках сротскинской культуры Лесостепного Алтая [Могильников, 1996, рис. 1.-1; Тишкин, Горбунов, 1998, рис. 1.-12; Горбунов, Тишкин, 2001, рис. 1.-25; Могильников, 2002, рис. 133.-8; и др.].

Судя по всему, к предметам китайского импорта относится целое зеркало из погребения могильника Узунтал [Кляшторный, Савинов, 2005, фото на с. 215]. При его изготовлении сохранены характерные для изделий из Поднебесной империи центральная шишка-петля и деление валиками на концентрические зоны, однако отсутствует орнамент. Довольно близкая аналогия этой находке, на которой присутствуют следы брака при отливке, встречена в ходе раскопок одного из раннесредневековых погребений Лесостепного Алтая [Горбунов, 1992, рис. 3; Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXXI]. Отмечено, что в поздний период эпохи Тан получают распространение некачественные зеркала и начинается резкий упадок техники их изготовления [Масумото, 2005, с. 296]. Также китайскими, судя по внешним характеристикам, является ряд фрагментов, определение типа которых, в связи с плохой сохранностью или небольшим размером осколка, весьма затруднительно [Вайнштейн, 1958, с. 218; Савинов, 1982, рис. 5.-9].

Изучение зеркал из памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии показывает, что далеко не все такие изделия относятся к танскому времени. Так, находки из могильника Шибе-II (рис. 2.-3-4; 3.-10-11) (раскопки Ю.Т. Мамадакова) имеют ряд характеристик, сближающих их с произведениями китайских ремесленников предшествующего периода: изображения стилизованных драконов, орнамент в виде четырех шишек и др. [Тишкин, Серегин, 2011, табл. XXIII, XXIV]. Необычен и небольшой (нестандартный) размер обозначенных изделий (5,8 и 6,6 см в диаметре), нетипичный для китайских зеркал 2-й половины I тыс. н.э. Указанные находки происходят из погребений VI-VII вв. и, возможно, являются копиями зеркал ханьского времени. Орнамент, включающий ряд элементов, не характерных для танских зеркал (ряд шишечек, отделенных лентой из горизонтальных полосок, и др.), имеет также экземпляр из могильника Курай-III [Евтюхова, Киселев, 1941, рис. 34] (рис. 3.-7). По мнению Е.И. Лубо-Лесниченко [1975, с. 41], изделие датируется IV-VI вв. Хронология погребения, из которого происходит указанная находка, определяется в рамках 2-й половины IX – 1-й половины X в. [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 228]. Вполне вероятно, что рассматриваемое зеркало является поздней копией. Судя по всему, подобная же ситуация отмечена в ходе исследований могильника Наинтэ-Суме в Монголии. В состав сопроводительного инвентаря погребения, датирующегося 2-й половиной VII – 1-й половиной VIII в., входил фрагмент зеркала [Боровка, 1927, табл. IV.-1], который, судя по сохранившейся части орнамента в виде продолжающихся полудуг, расположенных вокруг центральной шишки-петли, относится к экземплярам ханьского времени [Changan Hanging, 2002].

Хронологически наиболее позднее металлическое зеркало из раннесредневековых комплексов Алтая представлено находкой из скального погребения Каменный Лог [Соенов и др., 2002, рис. 1.-13] (рис. 3.-4). По ряду признаков данный фрагмент может быть отнесен к предметам, произведенным в X-XI вв. В то время, по наблюдению Е.И. Лубо-Лесниченко [1975, с. 25], рельефные и массивные зеркала танского времени сменяются тонкими изделиями с более мелким и изящным орнаментом. Началом эпохи Сун (X в.) Д.Г. Савинов [1994, с. 149] предложил датировать зеркало из погребения Бертек-34 (рис. 3.-9). Однако такое определение противоречит датировке самого за-

хоронения, по комплексу характеристик сопроводительного инвентаря относимого ко 2-й половине VII – 1-й половине VIII в. [Тишкин, Горбунов, 2005, с. 162]. К тому же зеркала, изготовленные во время Сун, отличаются от рассматриваемого экземпляра по ряду показателей [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 25–28]. Более близкие аналогии находке из погребения Бертек-34 по системе орнаментации (большое количество нешироких лент, расположенных вокруг центральной шишки-петли и отделенных друг от друга узкими валиками) имеются среди зеркал дотанского периода [Changan Hanging, 2002]. В таком случае зеркало может являться поздней копией.

Дополнительная информация о металлических зеркалах из раннесредневековых памятников Алтая была получена в ходе анализа состава сплава изделий. Изучались два предмета из коллекций Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Исследования проводились рентгенофлуоресцентным спектрометром ALPHA SERIES™ Альфа-2000 (производство США) в комплекте с испытательным стендом, с КПК и другими приспособлениями. Этот прибор имеется на кафедре археологии, этнографии и музеологии АлтГУ.

Тестирование осуществлялось неоднократно и в различных частях изделий. В настоящей публикации приведены только результаты, полученные с участков, предварительно очищенных от окислов. Оба исследованных раннесредневековых металлических зеркала демонстрируют характерный медно-оловянно-свинцовый сплав.

1. Зеркало из кургана №3 памятника Шибе-II: Cu – 65,3%; Sn – 27,17%; Pb – 7,48%; Ni – 0,05%.

2. Зеркало из кургана №18 памятника Шибе-II: Cu – 66,3%; Pb – 18,03%; Sn – 15,61%; Ni – 0,06%.

Охарактеризованные образцы имеют близкий набор показателей. Это подтверждает, что предметы были изготовлены по единой технологии, характерной для производства изделий в средневековом Китае. Значительное сходство состава металла может свидетельствовать об изготовлении зеркал в каком-то одном ремесленном центре. Полученные анализы дополняют специальные исследования И.В. Богдановой-Березовской [1975, с. 140–141], указавшей, что оловянистая бронза со свинцом являлась прекрасным сплавом для изготовления орнаментированных зеркал, а соответствующее содержание в них олова, свинца, конкретных примесей и следов индия может быть хорошим индикатором для установления подлинности импортных изделий из Китая. К сожалению, рентгенофлуоресцентным анализом зафиксировать очень незначительное присутствие индия (In) в зеркалах не представляется возможным. Для этого необходимо привлечение других методов.

«Размытый» и нечеткий орнамент на зеркалах указывает на то, что в данном случае мы имеем дело с копиями, сделанными далеко не с оригиналов. Вопрос, где осуществлялось такое производство, остается открытым. Можно лишь предположить, что китайские мастера изготавливали такую продукцию для кочевников, которым смысл изображений, имевшихся на зеркалах, был не важен. На основе анализов, полученных с помощью рентгенофлуоресцентного метода, можно сделать вывод о том, что рассмотренные изделия предположительно сделаны китайскими ремесленниками и являются в Центральной Азии предметами импорта.

Возможности интерпретации особенностей распространения металлических зеркал в обществе раннесредневековых тюрков связаны с изучением подобных изделий как

одного из элементов погребально-поминальной практики кочевников. Очевидно, что разработка обозначенной тематики весьма перспективна, так как только в этом случае появляется возможность объяснения места предмета в представлениях номадов.

Одним из элементов ритуальной практики является расположение вещей в могиле, которое, безусловно, не было случайным. Почти все целые зеркала в погребениях кочевников тюркской культуры помещены в районе головы умершего. В трех других случаях подобные изделия были обнаружены в районе пояса человека и на костяке лошади. Несколько иная закономерность наблюдается в отношении фрагментов зеркал. В тех ситуациях, когда удалось зафиксировать точное расположение, они были помещены в районе пояса умершего, и лишь однажды – у головы. Причем в последнем случае в могилу было помещено два обломка зеркала.

Итак, в погребальной практике кочевников тюркской культуры выделяются две основные традиции в расположении зеркал среди других предметов сопроводительного инвентаря. Они могут быть объяснены с точки зрения их использования в повседневной жизни или с учетом специфики мировоззренческих представлений номадов. Помещение зеркал в районе пояса умершего, по всей видимости, обусловлено тем, что они носились в поясной сумочке-футляре. Не исключено, что фрагменты зеркал подвешивались прямо на пояс [Руденко, 2004, с. 126], что демонстрируется их редким расположением у ноги умершего. Менее однозначной представляется интерпретация частого расположения изделий у головы умершего человека. Объяснение этой закономерности может быть связано с непосредственной утилитарной функцией зеркала, которое помещалось рядом с головой, чтобы умерший мог «смотреться» в него [Худяков, 2001, с. 95, 98]. Другое объяснение следует искать в наличии определенных представлений, связанных с указанной частью тела. Особое отношение к голове человека возникло в древности [Медникова, 2004, с. 40] и имело различное проявление. Возможно, некоторые специфические элементы ритуала, зафиксированные при исследовании ряда погребений эпохи средневековья в Южной Сибири, могут быть обозначены именно с этой точки зрения [Молодин, Новиков, Соловьев, 2003, с. 78–79].

В контексте объяснения перечисленных наблюдений определенным интерес представляют сведения о специфике использования металлических зеркал в обряде жителей Поднебесной империи – регионе, с которым связано происхождение большинства рассматриваемых находок из памятников номадов северо-западных районов центрально-азиатского региона. В древних и средневековых погребениях Китая рассматриваемые изделия часто фиксируются среди других предметов сопроводительного инвентаря [Масумото, 2005, с. 302]. В некоторых случаях зеркала помещали отражающей стороной на груди покойного, считая, что это защитит его от злых духов [Хазанов, 1964, с. 90; Филиппова, 2000, с. 106]. Кроме того, был распространен обычай подвешивать зеркало над изголовьем кровати для того, чтобы отогнать нечистую силу [Маракуев, 1947, с. 169]. В данном случае возникает вопрос о степени проникновения культурных традиций китайского общества в среду кочевников. С одной стороны, очевидно, что комплексы мировоззренческих представлений номадов и жителей Поднебесной империи различаются коренным образом, что усугублялось сложными политическими отношениями. В то же время постоянные контакты элиты скотоводов с китайскими дипломатами, торговцами и чиновниками не проходили бесследно. К примеру, вполне возможно, что некоторые орнаментальные сюжеты китайских зеркал могли восприниматься и переосмысливаться

кочевниками. Не лишённым оснований представляется предположение о том, что номады выбирали для подделки типы зеркал с определёнными, более понятными им изображениями [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 23]. В период раннего средневековья этому могло способствовать упрощение символики танских зеркал, которая стала менее каноничной и более доступной для не китайских народов [Масумото, 2005, с. 301]. Таким образом, можно рассматривать предположение о восприятии номадами традиций в размещении зеркал в погребении. Добавим, что факт заимствования элитными слоями номадов отдельных черт обряда жителей Поднебесной империи подтверждается материалами погребальных и поминальных комплексов кочевников «гунно-сарматского» и тюркского периодов [Худяков, 2002, с. 148; Филиппова, 2005, с. 19].

Необходимо также учитывать то, что обозначенные закономерности в расположении зеркал в погребении характерны для многих культур кочевников раннего железного века и средневековья степного пояса Евразии [Тишкин, Серегин, 2011а, с. 111–115]. Объяснение схожести обозначенных традиций может заключаться в универсальности представлений, связанных с использованием металлических зеркал. Однако даже их условная реконструкция сопровождается значительными затруднениями. К примеру, изучение места зеркал в ритуальных традициях раннесредневековых номадов Центральной Азии может основываться только на данных археологии в связи с отсутствием, за редким исключением [Арсланова, Кляшторный, 1973, с. 313], каких-либо упоминаний в письменных источниках. Поэтому комплекс вопросов, связанных с выделением предметов культа для периода раннего средневековья и возможной интерпретацией металлических зеркал с этой точки зрения, остается открытым.

С большей уверенностью можно утверждать, что находка импортного зеркала или его копии свидетельствует об определенном социальном статусе погребенного. В большинстве случаев при изучении раннесредневековых погребений кочевников с зеркалами на территории северо-западных районов Центральной Азии зафиксированы и другие ценные вещи, часть которых относится к предметам импорта (шелк, ювелирные и лаковые изделия, монеты). Дополнительную информацию о специфике социальной структуры обществ номадов раннего средневековья дает тот факт, что металлические зеркала зафиксированы исключительно в женских погребениях. Об этом свидетельствуют наборы сопроводительного инвентаря, а также немногочисленные антропологические определения [Алексеев, 1960, табл. 3; Гаврилова, 1965, с. 61; Поздняков, 2006, табл. II, IV]. Судя по имеющимся сведениям письменных источников, женщины из знатных семей занимали высокое положение в обществе раннесредневековых тюрок. Это находит подтверждение в материалах раскопок «элитных» погребений представительниц слабого пола, в которых зачастую обнаружены китайские металлические зеркала [Евтюхова, 1957; Савинов, 1994; Длужневская, 2000; Кубарев, 2005].

Шелк

Среди предметов китайского импорта в раннем средневековье наибольшее распространение получил шелк (табл. 3). Период использования изделий из ткани ограничен несколькими десятилетиями [Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989, с. 412], что позволяет, при условии определения датировки такой находки, уточнить хронологию всего археологического комплекса. Основанием для установления времени изготовления шелковой ткани является система орнаментации. Изображения на подобных изделиях из погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии неоднократно рассматривались ис-

следователями [Бентович, Гаврилова, 1972; Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989; Кубарев, 2005], поэтому мы ограничимся наиболее общей характеристикой находок с этой точки зрения, сконцентрировав внимание на других аспектах их изучения.

Таблица 3

Шелк из памятников тюркской культуры Центральной Азии

№	Памятник	Место и вид изделия	Публикация
1.	Аймырлыг V-1	На костяке (одежда?)	Овчинникова, 1982
2.	Аймырлыг XIII-1	Прошитый кусок с лентой у головы	Овчинникова, 2004
3.	Ак-Кобы	На костяке (одежда, накидка?); шелковый узелок	Кубарев, 2005
4.	Ак-Кобы-III, к. 2	Фрагмент шелка на зеркале	Кубарев, 2005
5.	Аргалыкты-I, к. 4	На костяке (одежда?)	Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989
6.	Аргалыкты-X, к. 11	Остатки халата; свернутая лента в кожаной сумочке	Трифонов, 2000
7.	Бай-Даг, к. 75	На костяке (одежда?)	Кызласов, 1979
8.	Бай-Тайга-59-1	На костяке	Грач, 1966
9.	Барбургазы-I, к. 20	Кукла	Кубарев, 2005
10.	Барбургазы-II, к. 9	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
11.	Джаргалынты, к. 2	Два мешочка; футляр для зеркала; чепрак лошади	Евтюхова, 1957
12.	Джолин-I, к. 9	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
13.	Егиз-Койтас, к. 3	Обрывки шелкового пояса	Кадырбаев, 1959
14.	Жана-Аул	Наплечная одежда (халат?)	Худяков, Кочеев, 1997
15.	Ибыргыс-Кисте, к. 3	Остатки халата	Худяков, 2004
16.	Кара-Коба-I, к. 25	Обрывки ткани (одежда?)	Могильников, 1990
17.	Кара-Коба-I, к. 85	Шелк двух видов, на костяке (одежда?)	Могильников, 1997
18.	Кара-Чоога, к. 4	Шелковая лента (92x3 см)	Вайнштейн, 1954
19.	Катанда-II, к. 1	На костяке (одежда?)	Захаров, 1926
20.	Катанда-III, к. 11	Шелк сложен в сумке	Мамадаков, Горбунов, 1997
21.	Кокэль, к. 2	Шелк на костяке (одежда?)	Вайнштейн, 1966
22.	Кокэль, к. 6	На костяке (одежда?)	Вайнштейн, 1966
23.	Кокэль, к. 13	На костяке (одежда?)	Вайнштейн, 1966
24.	Кокэль, к. 22	На костяке (одежда?); мешочек	Вайнштейн, 1966
25.	Кокэль, к. 23	На костяке (одежда?); мешочек	Вайнштейн, 1966
26.	Кокэль, к. 47	На костяке (одежда?)	Вайнштейн, 1966
27.	Кудыргэ, к. 9	На костяке (одежда?)	Гаврилова, 1965
28.	Кудыргэ, к. 11	На костяке (одежда?)	Гаврилова, 1965,
29.	Курай-IV, к. 1	Три мешочка на поясе	Евтюхова, Киселев, 1941
30.	Курай-VI, к. 1	Остатки ткани под головой	Евтюхова, Киселев, 1941
31.	Мойгун-Тайга-57-XXVI	Мешочек для зеркала; на костяке (одежда)	Грач, 1960
32.	Мойгун-Тайга-58-IV	Кукла; шелковая полоска с 75 узелками	Грач, 1960
33.	Мойгун-Тайга-58-V	Кукла	Грач, 1960
34.	Мойгун-Тайга-58-VIII	На костяке (одежда?)	Грач, 1960
35.	Мойгун-Тайга-58-X	Поясная сумочка; на костяке (одежда, покрывало?)	Грач, 1960

Продолжение таблицы 3

№	Памятник	Место и вид изделия	Публикация
36.	Наинтэ-Суме	На костяке (одежда?)	Боровка, 1927
37.	Сабинка, к. 1, м. 2	На костяке (одежда?)	Савинов и др., 1988
38.	Саглы-Бажи, к. 19	Лента у головы	Грач, 1968
39.	Талдуаир-I, к. 6	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
40.	Талдуаир-I, к. 7	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
41.	Туэкта, к. 3	Шелк на груди (одежда?); мешочек на груди	Евтюхова, Киселев, 1941
42.	Туэкта, к. 4	Три мешочка в тайнике	Киселев, 1951
43.	Уландрык-I, к. 10	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
44.	Хана, к. 1	На костяке (одежда?)	Erdelyi, Dorjsuren, Navan, 1967
45.	Черби, к. Б-18	Остатки войлочного халата, обшитого шелком	Вайнштейн, 1958
46.	Юстыд-I, к. 8	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
47.	Юстыд-XII, к. 29	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
48.	Юстыд-XIV, к. 1	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
49.	Юстыд-XIV, к. 2	На костяке (одежда?)	Кубарев, 2005
50.	Юстыд-XXIV, к. 13	На костяке (одежда?); мешочек	Кубарев, 2005

Анализ сохранившегося орнамента позволяет выделить несколько основных групп шелковых тканей из памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Первая группа представлена шелковыми тканями с изображением драконов с «деревом жизни» в медальонах, между которыми помещены стилизованные пальметки [Захаров, 1926, табл. VI; Боровка, 1927, рис. 7; Бентович, Гаврилова, 1972, рис. 3–4; Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989, с. 408; Кубарев, 2005, табл. 53–55, 64, 76.-1; и др.] (рис. 4.-1, 2)*. Такие находки относятся к образцам так называемого сасанидско-китайского смешанного стиля. Период их наиболее широкого распространения ограничен концом VII – 1-й половиной VIII в. [Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989, с. 413; Кубарев, 2005, с. 30]. Ко второй группе могут быть отнесены шелковые ткани с растительным, цветочным и геометрическим орнаментом [Кубарев, 2005, табл. 19, 37.-3, 51.-11, 75.-1, 92.-2] (рис. 4.-3). Время бытования изделий с такими изображениями, судя по имеющимся сведениям, ограничено VIII в. [Кубарев, 2005, с. 31]. Третья группа шелковых тканей представлена изделиями с орнаментом в виде ромбов, в которые вписаны еще два ромба [Грач, 1960, рис. 83; Кубарев, 2005, табл. 75.-2] (рис. 4.-4, 7). Хронология подобных изделий может быть установлена на основании датировки памятников в рамках VIII в. Кроме того, известны безузорные шелковые ткани, изготовление которых осуществлялось на протяжении длительного промежутка времени (рис. 2.-8).

Широкое распространение шелка в среде кочевников Центральной Азии определялось несколькими обстоятельствами. Безусловно, важной была эстетическая составляющая. Одежда из орнаментированных шелковых тканей демонстрировала определенное положение человека в обществе. Не меньшее значение имели гигиенические свойства рассматриваемого материала [Доде, 2006, с. 164–166]. Очевидно, изделия из шелка стали

* Схожая система орнаментации, но с некоторыми отличиями представлена на фрагменте шелка из погребения могильника Джаргалынты в Монголии. По мнению автора раскопок [Евтюхова, 1957, с. 214], данная находка имеет иранское происхождение.

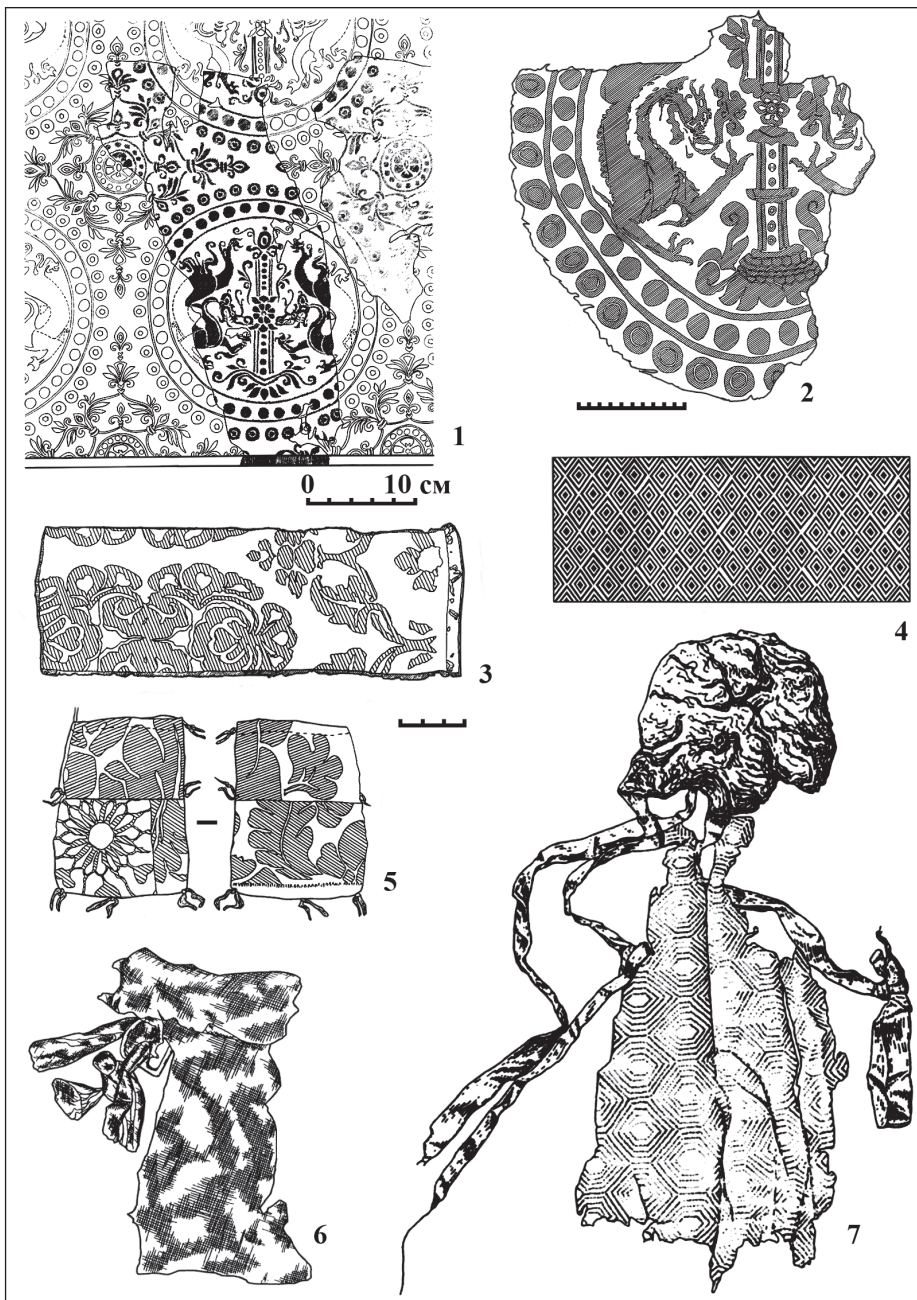

Рис. 4. Шелковые изделия из погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии: 1 – Катанда-II, курган №1 (по: [Бентович, Гаврилова, 1972, рис. 4]); 2 – Юстыд-XXIV, курган №13 (по: [Кубарев, 2005, табл. 53]); 3 – Юстыд-XXIV, курган №13 (по: [Кубарев, 2005, табл. 51.-11]); 4 – Барбургазы-I, курган №20 (по: [Кубарев, 2005, табл. 75.-2]); 5 – Юстыд-XXIV, курган №13 (по: [Кубарев, 2005, табл. 51.-13]); 6 – Ак-Кобы (по: [Кубарев, 2005, табл. 92.-3]); 7 – Монгун-Тайга-58-IV (по: [Kenk, 1982, abb. 17.-37])

неотъемлемой частью материальной культуры кочевников, что отразилось в их использовании не только в быту, но и в погребальном обряде. Остатки шелковых тканей зафиксированы в 50 захоронениях раннесредневековых тюрок Центральной Азии [Серегин, 2012]. Не исключено, что такие предметы присутствовали в большем количестве могил, однако по различным причинам не сохранились. Отметим, что далеко не во всех случаях авторами раскопок приведено описание таких находок, еще более редко они сопровождаются иллюстрациями. Тем не менее имеющаяся информация позволяет сделать ряд выводов о специфике использования шелка в обрядовой практике населения тюркской культуры.

Из этнографических материалов известно, что кочевники рассматриваемого региона зачастую хоронили умершего в той одежде, что человек носил при жизни [Дьяконова, 1975, с. 49–50]. Вероятно, такая ситуация демонстрируется и результатами исследования погребальных памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии. Именно частями одежды представлена большая часть шелка из захоронений. В погребениях кочевников 2-й половины I тыс. н.э. ткань сохранилась достаточно фрагментарно. Вместе с тем характер расположения и степень концентрации шелка на костяке умершего человека позволяют в ряде случаев определить вид одежды. Чаще всего на погребенном зафиксированы остатки шелкового халата или кафтана [Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1989, с. 407; Худяков, Кочеев, 1997, с. 12; Кубарев, 2005, с. 28–29], в некоторых случаях утепленного войлоком [Вайнштейн, 1958, с. 218; Кубарев, 2005, с. 27]. Встречена и меховая одежда в виде шубы, покрытой шелком [Могильников, 1997, с. 201; Кубарев, 2005, с. 29]. Интерес представляют находки шелковых лент [Вайнштейн, 1954, с. 148; Грач, 1968, с. 106], одна из которых, вероятно, использовалась для фиксации волос. В погребении тюркской культуры, исследованном в Казахстане, встречены остатки шелкового пояса [Кадырбаев, 1959, с. 184, рис. 20.-а].

В некоторых захоронениях, судя по имеющимся материалам, находилось несколько видов одежды. Остатки кафтана и двух рубах обнаружены в погребении тюркской культуры на могильнике Мойгун-Тайга в Туве. Реставрация этих тканей показала, что данные фрагменты шелковых одежд были свернуты и положены на грудь умершего [Грач, 1958, с. 29]. Похожая ситуация зафиксирована при исследовании одного из погребений могильника Катанда-III на Алтае, где свернутая одежда из шелка находилась в сумке рядом с человеком [Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 117]. Из этнографии тувинцев известно, что в погребение нередко помещалась «дополнительная» одежда, которая может пригодиться умершему человеку в загробном мире [Дьяконова, 1975, с. 50].

Характер расположения шелка на умерших позволяет предположить, что в некоторых случаях ткань использовалась как покрывало или погребальный саван [Грач, 1960, с. 127]. Похожая ситуация встречена в ходе раскопок одного из раннесредневековых захоронений Лесостепного Алтая [Горбунов, Тишкин, 2003, с. 284–286]. Возможно, более поздним проявлением данной традиции является зафиксированный у тувинцев обряд, согласно которому тело умершего человека заворачивали в войлок, а на лицо ему клали шелковый платок [Дьяконова, 1975, с. 49].

Другим вариантом использования китайского шелка в погребальном обряде раннесредневековых тюрок Центральной Азии было создание из ткани специальных кукол, «заменивших» человека в кенотафах. Известно три таких захоронения, раскопанных на памятниках Алтая и Тувы [Грач, 1960, с. 137, 141; Кубарев, 2005, с. 374] (рис. 4.-7). Сооружение кенотафов кочевниками рассматриваемой общности предполагало соблюдение

всех норм обрядности – наличие погребальной камеры, инвентаря и сопроводительного захоронения лошади. Отличием является только отсутствие умершего человека в силу невозможности, по различным причинам (к примеру, в результате гибели в дальнем военном походе), похоронить его на родине [Серегин, 2008]. Вероятно, ткань на куклах, обнаруженных в кенотафах на месте предполагаемого человека, символизировала шелковые одежды.

Интересными находками в погребениях раннесредневековых тюрок Центральной Азии являются небольшие шелковые мешочки (рис. 2.-5, 9; 4.-5, 6). Судя по расположению в могиле, чаще всего они носились на поясе [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 105; Вайнштейн, 1966, с. 302–304] либо в кожаной сумочке [Овчинникова, 1982, с. 213–214; Кубарев, 2005, с. 371, 376]. Кроме того, зафиксировано помещение рассматриваемых предметов на груди человека [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 113], а также в специальном тайнике [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 114]. В ряде случаев в шелковых мешочках находились предметы, связанные, вероятно, с определенными культовыми представлениями. Особое внимание обращают на себя находки человеческих зубов [Евтюхова, Киселев, 1941, с. 105; Евтюхова, 1957, с. 210; Вайнштейн, 1966, с. 302–304]. По мнению Л.Р. Кызласова [1969, с. 22], это были амулеты, помогавшие от зубной боли. С одной стороны, данная интерпретация выглядит вполне логичной. Вместе с тем имеются основания для предположения о более сложных представлениях, реализованных в данном элементе погребального ритуала раннесредневековых тюрок. Так, уже в верхнем палеолите фиксируется использование человеческих зубов в качестве амулетов [Медникова, 2004, с. 127]. Суеверия, связанные с необходимостью сохранять зубы и оберегать их от какого-либо негативного воздействия, известны у многих традиционных обществ [Фрэзер, 1986, с. 43–44]. Не исключено, что похожие представления имелись и у кочевников Центральной Азии. Их универсальный характер подтверждается находками человеческих зубов в шелковых, кожаных или войлочных мешочках при исследовании погребений кочевников рассматриваемого региона различных хронологических периодов от раннего железного века до монгольского времени [Кубарев, 1984, с. 43; Войтов, 1990, с. 140; Полосьмак, 2001, с. 74; и др.].

Среди других своеобразных находок, обнаруженных в шелковых мешочках, отметим туго свернутую шелковую ленту, свернутый в кольцо конский волос, небольшие камни, косточка миндаля, рыбы позвонки, а также различные изделия неизвестного назначения, главным образом, деревянные и костяные предметы. По мнению некоторых исследователей, эти вещи носили ритуальный или магический характер и могли являться своего рода оберегами [Овчинникова, 1982, с. 213–214; 1990, с. 38; Кубарев, 2005, с. 58–59]. В одном из шелковых мешочков находились китайские монеты [Евтюхова, 1957, с. 212], особенности использования которых кочевниками Центральной Азии рассмотрены выше. Не исключено, что ритуальное назначение имела шелковая полоска с 75 узелками, встреченная в исследованном кенотафе тюркской культуры [Грач, 1960, с. 127].

Помимо мешочков с предметами, предположительно связанными с определенными культовыми действиями, в погребениях раннесредневековых тюрок Центральной Азии зафиксированы шелковые сумочки-футляры, имевшие вполне понятное функциональное назначение. В них находились металлические зеркала, а также роговые или деревянные гребни [Евтюхова, 1957, с. 210; Грач, 1958, с. 21]. Наконец, в одном из захоронений Монголии были найдены остатки кожаного чепрака для лошади, украшенного большим фрагментом орнаментированной шелковой ткани [Евтюхова, 1957, с. 213].

Заключение

Анализ материалов раскопок погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Центральной Азии показывает, что китайские изделия представляли собой весьма важный элемент материальной культуры кочевников. Вещи, изготовленные в ремесленных центрах Поднебесной империи, попадали кномадам различными путями. В письменных источниках имеются многочисленные сведения о «подарках», отправляемых скотоводам. Многие исследователи полагают, что это была завуалированная форма дани, выплачиваемая беспокойным северным соседям в обмен на политическую лояльность и прекращение набегов [Крадин, 2001, с. 25]. Нет сомнений в том, что значительная часть китайских изделий захватывалась кочевниками как раз в ходе таких военных операций с целью грабежа, главным образом, на приграничных территориях. Вместе с тем известны сведения, позволяющие утверждать, что в отдельные периоды между раннесредневековыми номадами и Китаем существовал налаженный обмен товарами посредством функционирования разветвленных торговых путей.

По имеющимся в нашем распоряжении материалам, китайские изделия впервые фиксируются в памятниках тюрок во 2-й половине VI в. н.э. Это время активной экспансии племен номадов, создавших одну из крупнейших кочевых империй раннего средневековья – Первый Тюркский каганат. Однако количество предметов китайского импорта в памятниках рассматриваемого периода весьма незначительно. Основная масса изделий из ремесленных центров Поднебесной империи обнаружена в погребальных комплексах, датирующихся 2-й половиной VII – 1-й половиной VIII в. н.э. Это объясняется тем, что после воссоздания кочевой империи (II Восточно-тюркского каганата) у номадов рассматриваемой общности вновь появилась возможность получения импортных вещей. Вероятно, значительная часть привозных изделий появилась в памятниках скотоводов Центральной Азии в результате выгодных торговых договоров с Китаем, заключенных по итогам успешной для кочевников войны 721–723 гг. [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 109]. В археологических комплексах тюрок, датирующихся более поздним временем, предметы импорта встречаются, но уже не столь многочисленны. Данное обстоятельство связано с крушением каганата и вхождением кочевников рассматриваемой общности в империю уйгуров и кыргызов. Наиболее поздние предметы китайского импорта в памятниках раннесредневековых тюрок Центральной Азии относятся ко 2-й половине X – XI в. н.э.

Китайские изделия имели большую ценность у номадов Центральной Азии раннего средневековья. Их помещение в могилу означало, что умерший человек при жизни отличался высоким социальным и имущественным статусом. Судя по всему, китайские вещи относились к предметам роскоши, отражая уровень богатства кочевника и его принадлежность к элите общества. Помимо социального фактора, значение китайских изделий определялось тем, что они могли выполнять некоторые ритуальные функции. Вопрос о выделении предметов культа у раннесредневековых кочевников Центральной Азии до сих пор остается открытым. Вместе с тем рассмотренные материалы позволяют предположить, что определенное ритуальное значение имели китайские зеркала и их фрагменты, а также монеты, которые носились кочевниками в качестве амулетов. Показательным является хранение некоторых предметов (предположительно относимых к культовым) в специальных мешочках из китайского шелка.

Дальнейшее исследование особенностей распространения китайских предметов у номадов Центральной Азии раннего средневековья имеет большие перспективы.

К примеру, значительный интерес представляет изучение китайских изделий из лака. В настоящее время в памятниках тюркской культуры известно всего два случая обнаружения лаковых чашечек. Оба погребения женские и весьма схожи по обряду [Евтюхова, 1957; Длужневская, 2000]. Кроме того, известна одна такая находка из кургана кыргызской культуры [Евтюхова, 1948, рис. 4, 5]. Возможности датировки подобных вещей в настоящее время ограничены. Изучение технологии изготовления лаковых изделий находится на начальном этапе [Тишкин, 2007, с. 176–181], поэтому имеющихся данных недостаточно для точной региональной и хронологической локализации конкретных находок.

В завершение отметим, что большое значение для реконструкции особенностей контактов кочевников Центральной Азии будут иметь не только изыскания частного характера, но и обобщающие работы, реализация которых позволит рассматривать специфику распространения китайских изделий у кочевников региона в широких хронологических и территориальных рамках.

Библиографический список

- Азбелев П.П. К исследованию культуры могильника Кудыргэ на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 2000. С. 4–5.
- Алексеев В.П. Материалы к палеоантропологии Западной Тувы // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. I: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 284–312.
- Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник 1972. М.: Наука, 1973. С. 306–315.
- Басова Н.В., Кузнецов Н.А. Украшения и амулеты из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 134–136.
- Бентович И.Б., Гаврилова А.А. Мугская и катандинская камчатые ткани // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 31–37.
- Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. С. 131–149.
- Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 году. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. С. 43–88.
- Быков А.А. Монеты Китая. Л.: Сов. художник, 1969. 79 с.
- Вайнштейн С.И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1958. Вып. VI. С. 217–237.
- Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. М.; Л.: Наука, 1966. С. 292–334.
- Воробьев М.В. К вопросу определения старинных китайских монет «кайюань тунбао» // Эпиграфика Востока. 1963. Вып. XV. С. 123–139.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Погребение IX–X вв. на р. Чумыш // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 86–87.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. VII. С. 281–287.
- Грач А.Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // Советская этнография. 1958. №4. С. 18–34.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 7–72.

Грач А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (Полевой сезон 1958 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. I. С. 73–150.

Грач А.Д. Исследования в Бай-Тайге // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. М.; Л.: Наука, 1966. С. 81–107.

Грач А.Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // КСИА. М.: Наука, 1968. Вып. 114. С. 105–111.

Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальные комплексы эпохи раннего железа и средневековья северо-западных предгорий Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Алт. ун-та, 2004. Т. X. С. 239–243.

Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк-II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 178–188.

Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: ИИМК РАН, 2007. 197 с.

Добродомов И.Г. Вторичные рунические надписи на монетах и вопросы денежного обращения у древних тюрков // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М.: Наука, 1980. С. 94–97.

Доде З.В. Одежды и шелка из могильника Вербовый Лог / Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М.: Памятники исторической мысли, 2006. Вып. VI. С. 77–184.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХаКНИИЯЛИ, 1948. 110 с.

Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. 1957. №2. С. 207–217.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.

Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири (раскопки В.В. Радлова в 1965 г.) // Труды ГИМ. 1926. Вып. 1. С. 71–106.

Зеймаль Е.В. Монеты раннесредневековой Средней Азии // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. М.: Наука, 1999. С. 192–206 (Археология СССР).

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.

Итс Р.Ф. О надписи на китайском зеркале из Тувы // Советская этнография. 1958. №4. С. 35–37.

Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // ТИИАЭ. 1959. Т. 7. С. 162–203.

Камышев А.М. Монеты Китая из Кыргызстана // Нумизматика Центральной Азии. 1999. Вып. IV. С. 57–65.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА №9).

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 638 с.

Кляшторный С.Г. Монета с рунической надписью из Монголии // Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. С. 115–119.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Матренин С.С., Гребенников И.Ю. Раскопки поселения Баян булаг в Южной Гоби (ханьская крепость Шоусянчэн) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 58–93.

- Крадин Н.Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. 2001. №5. С. 21–32.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Кузнецов Н.А. Монеты из памятников верхнеобской культуры // Тюркологический сборник 2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 212–222.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Дальневосточные монеты из Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 156–169.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975. 155 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 326 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Грифонов Ю.И. Китайская камчатая ткань из древнетюркского кургана в Туве // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 406–416.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. С. 115–129.
- Маракуев А.В. Китайские бронзы из Басандайки // Басандайка: сборник материалов и исследований по археологии Томской области (Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева (т. 98)). Томск: ТГПИ, 1947. С. 167–174.
- Масумото Т. Китайские монеты из средневековых погребений Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 49–52.
- Масумото Т. Китайские бронзовые зеркала (семиотический аспект) // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк: ДонНУ, 2005. Т. 2. С. 295–304.
- Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетей, 2004. 208 с.
- Миняев С.С. Сюннуский культурный комплекс: время и пространство // Древняя и средневековая история Восточной Азии. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 295–305.
- Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.
- Могильников В.А. Находка китайского зеркала в Кулундинской степи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. Вып. VII. С. 158–162.
- Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-I и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск: Изд-во ГАИГИ, 1997. С. 187–234.
- Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-VIII // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. №2. С. 71–86.
- Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-II на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2004. 184 с.
- Овчинникова Б.Б. Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // Советская археология. 1982. №3. С. 210–218.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.
- Овчинникова Б.Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. М.: РУСАКИ, 2004. С. 86–110.
- Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I тыс. н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. 136 с.
- Распопова В.И. Зеркала из Пенджикента // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 65–69.

Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. 2004. №1–2 (12–13). С. 111–156.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск: Наука, 1994. С. 104–124.

Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). Л.: Наука, 1988. С. 83–103.

Серегин Н.Н. Металлические зеркала в погребениях раннесредневековых кочевников северо-западных районов Центральной Азии // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. Вып. 5. С. 115–121.

Серегин Н.Н. Китайские монеты из погребений тюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 190–193.

Серегин Н.Н. Комплексное изучение металлических зеркал из раннесредневековых памятников кочевников Южной Сибири // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск: Том. гос. ун-т, 2008. Вып. 2. С. 197–205.

Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2008. С. 144–153.

Серегин Н.Н. Китайский шелк в погребальной обрядности раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая и Центральной Азии // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Амфора, 2012. С. 175–179.

Соенов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №9. С. 117–124.

Стратанович Г.Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточно-азиатский этнографический сборник. М., 1961. Вып. 2. С. 47–78 (Труды Ин-та этнографии АН СССР. Новая сер. Т. 73).

Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата-II и Кор-Кобы-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 56–96.

Тишкин А.А. Китайские изделия в материальной культуре кочевников Алтая (2-я половина I тыс. до н.э.) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. С. 176–184.

Тишкин А.А. Зеркала раннего средневековья на Алтае и результаты их рентгенофлюоресцентного анализа // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 78–81.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Курган сrostкинской культуры у оз. Яровское // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. С. 194–198.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул: АРТИКА, 2011. 136 с.: ил.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука, 2011а. 144 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Средневековые металлические зеркала из памятников Алтая: итоги комплексного изучения // Туухийн товчоон. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2011б. Т. VI. С. 133–143 (на рус. яз.).

Тишкин А.А., Мунхбаяр Б.Ч., Серегин Н.Н. Комплексное изучение монеты «у-шу» из сомона Алтай (Ховдский аймак, Монголия) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 336–339.

Трифонов Ю.И. Погребение X в. н.э. на могильнике Аргалыкты-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 143–156.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Филиппова И.В. Китайские зеркала из памятников хунну // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №4. С. 100–108.

Филиппова И.В. Культурные контакты населения Западного Забайкалья, Южной, Западной Сибири и Северной Монголии с ханьским Китаем в скифское и гунно-сарматское время (по археологическим материалам): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 25 с.

Хазанов А.М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // Советская этнография. 1964. №3. С. 89–96.

Хаславская Л.М. О некоторых аспектах этнокультурных контактов кочевников Южной Сибири с Китаем // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 189–195.

Худяков Ю.С. Бронзовые зеркала пазырыкской культуры в долине р. Эдиган в Горном Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. Вып. 7. С. 94–102.

Худяков Ю.С. Дискуссионные вопросы изучения поминальных памятников древних тюрков Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. Вып. 9. С. 137–153.

Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. №3. С. 10–18.

Щербак А.М. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска // ВДИ. 1960. №2. С. 139–141.

Erdelyi L., Dorjsuren C., Navan D. Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expeditions 1961–1964 (a comprehensive report) // Acta archaeologica. 1967. T. XIX. P. 335–370.

Kenk R. Frühmittelalterliche Graber aus West-Tuva. Munchen: Verlag C.H. Beck, 1982. 100 p.

Чжунго гу цянъши (Старинные монеты Китая) / сост. Тан Шифу. Шанхай: Б.и., 2001. 658 с. (на кит. яз.).

A.A. Tishkin, N.N. Seregin

CHINESE ITEMS FROM ARCHAEOLOGICAL SITES OF EARLY MEDIEVAL TURKIC TRIBES OF CENTRAL ASIA

A large number of metal mirrors, coins, silk products, and items with varnish coating, made in craft workshops of China were found while examining the funeral complexes of the early medieval Turkic tribes. These findings are considered to be important elements of the material culture of nomads. They represent the military, political, trade, and other contacts of nomads with the population of the southern settled and agricultural centers. The available written certificates do not provide enough information to solve all the complex problems associated with the interpretation of the imported products found in the named archaeological sites. The materials recorded in the course of the excavation work significantly expand the possibilities of reconstructing many aspects of the life-style of nomadic communities as well as reflecting the world outlook of some cattle-farmers groups. The Chinese items are recorded in the sites of Turkic tribes dated to the 2nd half of the 6th century AD, when one of the largest nomadic empires – the First (Great) Turkic khaganate was built up. The table of Medieval Chinese import divided into the categories of findings is presented in the article. Two metal mirrors were examined by means of an X-ray fluorescent spectrometer. The pictures of some items are also shown in the article. The article considers the use of these Chinese products in the rites of the early medieval nomads. There are prospects for further research of the subject as more material becomes available.

Keywords: Central Asia, early Middle Ages, Turkic culture, China, archaeological sites, import, craft products, coins, metal mirrors, silk, Chinese varnish, outlook, X-ray analysis.